

В конце концов, бригадир велел завернуть Лян Цзивэня в одеяло, сделал импровизированные носилки и поручил нескольким мужчинам осторожно нести его к въезду в деревню. Сам бригадир пошёл оформлять документы и рекомендательное письмо, Лян Цзяньлянь побежал за тележкой, а старший дядя Лян взял деньги, боясь, что их не хватит, и одолжил ещё немного. После суматохи Лян Цзивэня наконец доставили в уездный город, но никто не мог успокоиться.

Хотя в то время уже не разрешалось пропагандировать суеверия, родители детей, которые были свидетелями происшествия, беспокоились, что их дети могли потерять душу от страха.

Бригадир и старшее поколение деревни тоже не спали. Сегодня появился дикий кабан, который добавил мяса в рацион деревни, но кто знает, что ещё может выйти из леса, уничтожая урожай и рана людей.

Семья Лян тоже не могла уснуть. Младшие дети, не понимая происходящего, спокойно спали, но старшие дети и взрослые чувствовали себя неудобно, особенно дедушка и бабушка Лян. Пожилые люди и так мало спали, а теперь, беспокоясь за внука, они совсем не могли сомкнуть глаз. Однако, чтобы не волновать детей, они притворялись спящими, хотя в душе их терзала тревога.

Лян Цзяньлянь и старший дядя Лян в коридоре больницы тоже не могли уснуть, особенно Лян Цзяньлянь. Из-за того, что Лян Цзивэнь был «глупым», отец чувствовал себя виноватым перед сыном. Теперь, когда сын лежал между жизнью и смертью, Лян Цзяньлянь не мог не дрожать, вспоминая слова врача.

На больничной койке Лян Цзивэнь, казалось, видел какой-то сон, его брови были нахмурены, а лицо слегка покраснело, но Тянь Фан, которой он нажал на сонную точку, ничего не замечала.

Во сне Тянь Фан слышала, как её любимый сын ласково зовёт её мамой, как он каждый день резвится на улице, возвращаясь домой весь в грязи, как он ловко спорит с другими детьми!

Сновидение заставило Тянь Фан улыбнуться. Её сын во сне был таким живым! Хотя сознание напоминало ей, что это всего лишь сон, она готова была никогда не просыпаться. Если бы её сын действительно мог очнуться, если бы он стал здоровым, она была бы готова умереть прямо сейчас!

В эту ночь только Тянь Фан спала спокойно и видела счастливый сон.

На следующее утро, ещё до рассвета, Лян Цзяньлянь встал. Пролежав всю ночь в углу больницы, он чувствовал себя неважно, но для него, как и для других сельских мужчин, переживших голод, это было не так уж страшно. Взяв продовольственные талоны, выписанные врачом, он купил миску лапши с яйцом. В обычном окне он приобрёл восемь пампушек из грубого зерна и три миски каши.

В то время продукты были в дефиците, особенно после большого голода, и только в больнице можно было купить лапшу с добавлением муки высшего сорта. Это было питание для пациентов с тяжёлыми формами истощения, и хотя цена была высокой, это было лучше, чем ничего.

Лян Цзяньлянь тихо разбудил старшего брата и передал ему кашу и пампушки.

— Почему ты так рано встал? Поспи ещё, — сказал старший дядя Лян, глядя на Лян Цзяньляня с тёмными кругами под глазами. — Когда Дацун очнётся, ты сам упадёшь от усталости.

— Я крепкий, сейчас бы и в поле вышел, — ответил Лян Цзяньлянь. В последние дни он дежурил по ночам, а днём работал в поле, зарабатывая трудовни, поэтому выглядел измождённым.

Старший дядя Лян нахмурился, но быстро съел завтрак, взял вещи и махнул рукой, чтобы Лян Цзяньлянь тоже поел.

Лян Цзяньлянь быстро проглотил пампушки с кашей. Пампушки были размером больше кулака взрослого человека, грубые и царапающие горло, но это была редкая роскошь.

Он сменил Тянь Фан около часа ночи, и, не желая будить её рано, он положил пампушки в кашу, накрыл миску и осторожно спрятал её за пазухой, чтобы еда не остыла.

Старший дядя Лян тихо заглянул в палату, с болью глядя на бледное лицо племянника, и вышел. Он был секретарём партийной ячейки деревни, и сегодня ему предстояло не только работать в поле, но и организовывать мероприятия. Проверив племянника, он отправился обратно в деревню.

Лян Цзяньлянь дал старшему дяде Ляну семь пампушек, завёрнутых в бумагу. Такие пампушки их семья ела редко, и он с братом съели по половине, оставив по половине для Тянь Фан и Лян Цзивэня. Остальные они забрали домой, чтобы каждый мог попробовать, хоть и по маленькому кусочку.

Проводив старшего дядю, Лян Цзяньлянь тихо вошёл в палату и присел у стены рядом с кроватью Лян Цзивэня, закрыв глаза.

Снаружи начинало светать, и через окно пробивался слабый свет. Тянь Фан, хотя и спала недолго, обычно вставала в это время, и её биологические часы взяли своё.

— Папа, приляг на стул, присмотри за Дацуном, — сказала Тянь Фан, удивлённая, что проспала так долго. Она быстро взглянула на Лян Цзивэня и, увидев, что его лицо, хотя и бледное, выглядит лучше, чем вчера, успокоилась. Увидев Лян Цзяньляня, жалко сидящего у стены, она пожалела его и предложила прилечь на стул.

— Ладно! — Лян Цзяньлянь достал из-за пазухи пампушки и кашу, проверив, что миска, завёрнутая в полотенце, ещё тёплая.

Стряхнув пыль с одежды, чтобы не испачкать постель, он осторожно сел и легонько коснулся лица сына, боясь разбудить его. Лицо Лян Цзивэня было бледным, но тёплым. Лян Цзяньлянь смотрел на сына с любовью, словно не мог насмотреться.

Лян Цзивэнь был самым красивым в семье Лян. Лян Цзяньлянь не был образованным, но он чувствовал, что в его сыне была какая-то особая, почти неземная аура, совсем не похожая на деревенского ребёнка. Это не было преувеличением — все, кто видел Лян Цзивэня, хвалили его внешность и говорили, что он выглядит как небожитель. Хотя он был «глупым», он не казался таким, как другие дети с подобными проблемами. Он всегда стоял или сидел спокойно, только его пустой взгляд выдавал его состояние.

Каждый раз, глядя на лицо сына, так похожее на его собственное, но гораздо более красивое, Лян Цзяньлянь чувствовал, как его отцовское сердце наполняется виной.

Лян Цзивэнь проснулся, когда проснулась Тянь Фан, но он был занят восстановлением внутренней силы для лечения своих ран, поэтому не мог утешить Лян Цзяньляня.

Молочная внутренняя сила медленно текла по его каналам, восстанавливая повреждения. В сочетании с лекарством, лицо Лян Цзивэня постепенно становилось румяным.

Лян Цзяньлян, сидевший рядом, сразу заметил это. Он уже хотел улыбнуться, как вдруг Лян Цзивэнь выплюнул кровь. Лян Цзяньлян замер, а затем бросился за врачом.

— Доктор! Доктор! Посмотрите на моего сына! — Лян Цзяньлян сбил с ног несколько человек, но не обращал на них внимания.

Тянь Фан тоже испугалась. Хотя она не знала, что случилось, но по виду Лян Цзяньляна поняла, что что-то не так.

Она бросила посуду и побежала в палату. Увидев сына, изо рта которого текла кровь, она заплакала. Она пыталась вытереть кровь рукавом, но крови было слишком много, словно Лян Цзивэнь выплёвывал всю кровь из тела.

Когда Лян Цзяньлян привёл врачей и медсестёр, рукава Тянь Фан были в крови.

— Отойдите, отойдите! Срочно в реанимацию, родственники, отойдите! — Медсёстры оттеснили Тянь Фан, и врачи быстро повезли Лян Цзивэня в отделение неотложной помощи. Тянь Фан стояла в оцепенении, её глаза были пустыми и пугающими.

Лян Цзяньлян, видя, что Тянь Фан в шоке, нервно сказал:

— Мама, врачи спасают нашего сына, давай пойдём посмотрим.

Услышав это, Тянь Фан пришла в себя. Она схватила Лян Цзяньляна за руку и спросила:

— Папа, где Вэньвэнь?

<http://bllate.org/book/16557/1510481>